

КЛЕЙМЁННЫЕ

Свод не желает добра. Никому.

КНИГА ПЕРВАЯ

Иван Олимпиев

Иван Олимпиев

Клеймённые

<https://litres.ru/74659607>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ноябрь. Рубцовск. Ночная смена аварийщика: вызов в подвал, воды по пояс, надо закрыть задвижку. Обычная ночь — пока вода не забирает напарника. А потом — и Егора Соколова. Он возвращается. С клеймом.

Свод — система-канцелярия. Он не спрашивает, хочешь ли ты метку: сам решает, какая смерть «подходящая», и открывает дело. Участок «Котельная-14», норма выживаемости — одиннадцать процентов. Задача — дожить до отлива, до четырёх утра.

Город уходит в Навь: в отражениях стоит вода, по улицам ходит мавка, в окнах не горит ни одного огня. А где-то там — его четырнадцатилетняя сестра. У Свода она проходит как «приглашена».

Мрачное славянское РеалРПГ о городе, который утонул, не заметив этого. Первая книга трилогии.

Содержание

Глава 1. Ночная смена	4
Глава 2. Следы на воде	14
Глава 3. Утопцы	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Иван Олимпиаев

Клеймённые

Глава 1. Ночная смена

Диспетчер Галина Львовна разговаривала с рацией так, как разговаривают с лифтом: по инструкции и без надежды, что он ответит.

— Четвёртая, Комсомольская, сто три. Подвал. Вода.

Было начало двенадцатого, и за окном диспетчерской Рубцовск стоял под серым ноябрьским дождём со снегом, который начался ещё в октябре и, судя по всему, собирался идти до апреля.

Старший смены Сергей Анатольевич Морозов долил кипятку в термос и покосился на рацию — как на родственника, который опять звонит. Ему было сорок шесть лет, двадцать из них он проработал в аварийке и каждую смену считал, сколько осталось до пенсии.

— Ну кто бы сомневался, — сказал он. — «Алей-Сервис» опять уплыл.

Егор Соколов закрыл шкафчик и начал выкладывать на стол то, что в этом городе доставали каждую ночь: переноску, бухту кабеля, газовые и разводные ключи, хомуты, вёдра, насос с дурацким именем «Малыш» и газоанализатор, кото-

рый тут носили не для галочки.

Рубцовск стоит в Алейской степи, на левом берегу Алея — реки мутной и неглубокой. Старики говорили, что прежде её имя, Ылай, значит «мутная». Реку перегородили ещё при Союзе: и Гилёвской плотиной в верховьях, и подпорной под городом, а воду для Рубцовска держат в Склюихинском водохранилище на протоке Склюихе. Но город всё равно стоит на грунтах, которые помнят реку лучше, чем людей. Каждую весну Алей поднимается на метры, а в остальное время живёт под городом — в подвалах, коллекторах и теплотрассах. Наверху у людей работал телевизор, а внизу, под их ногами, река никуда не уходила.

Егору было двадцать пять. В аварийке он работал второй год, до этого был грузчиком, а до этого — толком нигде. Мать умерла, когда ему было девятнадцать, и Лиза тогда пошла в первый класс. Как он стал ей за отца и за мать — отдельная история, и не для этой смены.

Телефон дзынькнул. Лиза.

«я у даши, заночую у неё. не жди. завтра химия, готовимся вместе»

Он написал: «спать». Подумал и добавил: «завтра куплю шаурму».

«лучший брат месяца» — прилетело мгновенно.

Егор убрал телефон в карман.

— Соколов, — сказал Мороз. — Заканчивай с личной жизнью. Поехали, там триста квартир без тепла, если тепло-

узел уйдёт под воду.

В «Газели» пахло бензином и мокрой резиной, дворники сражались с дождём и проигрывали. Рация шипела, и Мороз всю дорогу ругался на «Алей-Сервис», на город, на возраст и на пенсию, до которой оставалось три года.

— Я её встречу, — говорил он. — На суше. В Сочи. Буду ходить по берегу и смотреть на воду, как на бывшую.

Дом сто три по Комсомольской был обычной девятиэтажной из тех, что строили быстро и навсегда. Во дворе горел один фонарь из четырёх; он мигал с перебоями, замирал и вспыхивал снова, как больное сердце.

Подвал они нашли без проблем: железная дверь в торце дома, сорванный замок, темнота. И запах.

Мороз остановился и принюхался. Потом принюхался ещё раз.

— Странно, — сказал он.

— Что? — спросил Егор.

— Тина. Как на Алее в июне, когда вода падает. Только июнь был пять месяцев назад, а тина — она вот. Свежая.

Запах стоял за дверью плотно, стеной: ни выдохнуть, ни привыкнуть. Егор включил переноску, и жёлтый свет упал на ступени.

— УК подняли? — спросил он в рацию.

— Подняли, — ответила Галина. — Робот сказал: ваша заявка принята.

— Хороший робот, — сказал Мороз. — Вежливый. Спит,

поди, сейчас, одеяло на ушах. Пошли.

По документам у дома было пятнадцать ступеней. Егор насчитал девятнадцать.

— Строили в семьдесят четвёртом, — сказал Мороз беззаботно. — Считать тогда умели, но не всегда хотели.

Вода началась с четвёртой снизу ступени — сначала по щиколотку, чёрная и гладкая. Луч переноски ложился на неё и не возвращался, как будто свет уходил в воду и не хотел выходить.

— Держи свет ровно, — сказал Мороз. — Я на задвижку.

Настил из досок положили, наверное, ещё те люди, которые умели считать, и с тех пор его никто не проверял. Доски скрипели, но держали. Мороз шёл по ним широко и аккуратно, как по льду; вода была ему сперва по колено, а потом по пояс.

— Галь, — сказал он в рацию. — Воды по пояс. Если уйдёт теплоузел, ты там это... не скучай.

— Мороз, — строго сказала Галина.

— Шучу я.

Он дошёл до задвижки, взялся за маховик и повернул. Пошло туго, с натугой; он повернул ещё раз и наклонился послушать, пошла ли вода на убыль.

Потом вода шевельнулась.

Она сделала это всей своей толщей сразу, как будто вниз, под бетоном, перевернулся кто-то очень большой и медленный. Мороз ушёл под воду без всплеска и без крика. Люди в

основном не успевают кричать — успевают только удивляться.

Егор не помнил, как оказался в воде. Он помнил только, что рука, за которую он схватился, была тёплая — единственное тёплое в этом подвале. Вода вокруг была холодная так, что резала, и тянула не вниз, а вбок и дальше, как будто под водой открылась дверь в другой подвал, побольше.

— Держись! — заорал Егор. Или подумал, что заорал.

В чёрной глубине белела рука — длинная, тонкая, с суставами, как у корней, — и держала Мороза за ногу. Мороз смотрел из-под воды, глаза были открыты. Спокойно, как человек, который уже всё про себя решил.

Разжались пальцы на его руке. Не его пальцы. Морозовы.

По чёрной воде разошлось пятно, которое было темнее чёрного. А потом вода поднялась — спокойно, без спешки, как будто её просто попросили, — и накрыла Егора с головой.

Он вдохнул. Это было последнее, что он сделал как обычный человек. Вместо воздуха в него вошла вода: чёрная, тёплая, живая. Она не убивала. Она занимала место.

Потом стало серо.

СВОД · уведомление № 1

Морозов Сергей Анатольевич, 46 лет.

Клеймо: не назначено. Основание: не подошёл.

Норма выживаемости: 0 %. Дело закрыто.

СВОД · уведомление № 2

Соколов Егор Андреевич, 25 лет.

Клеймо: назначено. Основание: подходящая смерть.

Класс: Ходок (вне штата).

Участок: «Котельная-14». Норма выживаемости участка: 11 %.

Задача: дожить до отлива.

Отлив: 04:00.

Решение обжалованию не подлежит.

Он очнулся на ступенях, в двух шагах от воды, и долго кашлял чёрным. Вода отступила до щиколоток и стояла не шевелясь, гладкая, как стекло. Переноска пропала, а кабель тянулся в темноту, как брошенная верёвка.

Над водой висела маленькая карточка, будто кто-то очень аккуратный держал в воздухе листок бумаги:

Ходок, ур. 1. Плоть: 9/30. Воля: 3/3.

«Отражение», ур. 1. Вода, стоящая как зеркало, показывает Навь честно. Осторожно: она тоже видит вас.

До отлива: 4:19:11.

Егор прочитал всё это дважды. Про «вне штата» он даже хотел засмеяться, но не получилось: горло было чужое. Сверхурочные он уточнять не стал. И так знал: не оплатят.

— Мороз, — сказал он в темноту.

Никто не ответил. Вода стояла гладкая, спокойная, без пятен и без запаха, как будто здесь никого и не было — ни Мороза, ни того, что его забрало.

Егор поднялся по лестнице и вышел во двор. Дождь шёл,

только теперь беззвучно: ни стука по железу козырька, ни шелеста по лужам. Вода падала на двор, как в немом кино.

Егор постоял, привыкая. Двор был тот же и не тот: та же девятиэтажка, тот же больной фонарь, та же «Газель» у подъезда. Только сейчас во всём доме не горело ни одного окна. Даже ночью в панельке всегда горит хоть одно — у кого-то телевизор, у кого-то кухня, у кого-то просто бессонница.

Он подошёл к машине и открыл дверь. Рация шипела, и в шипении, если долго слушать, слышалось, как капает вода. Диспетчерская молчала: полная шкала связи и ни одного голоса. Мобильный в кармане показывал 23:40 — время, в котором он ушёл под воду.

В левом кармане нашёлся клочок ткани — чёрный, с оранжевой полосой, от капюшона. Егор не помнил, как он его оторвал и зачем оставил, но сунул обратно.

Лужи во дворе стояли гладкие, как зеркала. Дождь их не тревожил — падал сверху, беззвучный, и не оставлял кругов.

Самая большая лужа собралась у качелей. Егор заглянул в неё, и на секунду резкость дёрнулась, как бывает, когда устал глаз. Отражение было его — куртка, лицо, мокрые волосы, — но небо в нём стояло ниже, чем должно. А под небом был город.

Такой же двор, такие же качели, только вода там стояла везде: в арках, на лестницах, в окнах. Дома были темнее и старше, по их стенам росло что-то длинное и мокрое, а в разбитых окнах двигались тени.

А в середине отражённого двора стояла женщина. Высокая, в длинном чёрном платье; подол лежал на стоячей воде, как чернильная клякса. У неё было лицо, но глаза отказывались его запоминать: посмотришь — видишь, отведёшь — забыл.

— Ходок, — сказала она.

Голос шёл из лужи, как из колодца — снизу и со дна.

Егор не отшатнулся. Он вообще не был уверен, что ещё умеет отшатываться.

— Что? — спросил он.

— Имя твоё. Не самое плохое. Бывают хуже. — Женщина смотрела не на него, а как будто мимо, через него, на что-то за его спиной. — Первый раз всегда тяжело. Привыкай смотреть не туда, куда все.

Вода в луже не колыхалась, хотя дождь шёл вовсю — падал и исчезал где-то на полпути.

— Ты кто?

— Марена.

Она сказала это так, как говорят «Галина Львовна»: имя было обыкновенное, рабочее, и от него почему-то хотелось стоять ровно.

— Он умер? Мороз.

— Он утонул, — сказала Марена. — Разница есть, но тебе пока не важна. — Она подняла руку, и в луже качнулись деревья того двора. — До отлива четыре часа, Ходок. Кто не успеет выйти к отливу, уйдёт на дно вместе с городом. И ещё:

держишься сухих мест. Теперь ты с этим городом одной крови.

— Стой...

— И по лужам смотри чаще, — сказала она. — В воде всё честнее.

Отражение вздрогнуло и стало обыкновенным: его лицо, дождь, качели. По воде пошли круги — наконец-то, — и дождь вернулся со звуком, сразу, как включают радио.

Егор убрал телефон в карман — руки тряслись, и это разозлило его сильнее, чем всё остальное. Мороз не дожил до пенсии трёх лет. Он говорил об этом каждую смену, и каждую смену это было смешно.

Егор бросил на воду последний взгляд — вода была вода. И он пошёл. Сначала быстро, потом ещё быстрее.

Город был выключен, как подъездный свет после одиннадцати. Проспект Ленина уходил в темноту, лоснясь от воды: ни троллейбусов, ни машин, ни собак, ни музыки из форточек — только редкие фонари, и те мигали через раз. На перекрёстке стояла машина с работающим двигателем и открытой дверью; дворники ходили по стеклу туда-сюда, как метроном, а внутри не было никого.

Егор набрал Лизу на ходу; гудки шли длинные и ровные.

Он добежал до Коммунального моста через Алей — река стояла под мостом чёрная и гладкая, мутная даже в темноте, — и гудки оборвались.

В трубке стало тихо — так тихо бывает в комнате, когда в ней кто-то есть и молчит.

— Лиза? — спросил Егор.

Дальний-дальний вежливый голос сказал:

— Ваша заявка принята. Позвоните позже.

И в трубке заиграла музыка — «Алей-Сервис», автоответчик, десять слов про качество услуг.

Сбоку, на самом краю взгляда, вспыхнул и осыпался листок: «До отлива — 3 часа 54 минуты».

Егор убрал телефон, оглядел тёмный город и побежал быстрее.

СВОД · УВЕДОМЛЕНИЕ ЧИТАТЕЛЮ

Дело открыто: Соколов Егор Андреевич, 25 лет, класс Ходок, участок «Котельная-14».

Первая глава зачтена.

Убыль по делу: один.

Читатель приобщается как свидетель: лайк — отметка о явке, комментарий — показание.

До отлива — 3 часа 54 минуты.

Держитесь сухих мест и смотрите в лужи: в воде всё честнее.

Явка добровольная.

** * **

Глава 2. Следы на воде

По проспекту Ленина он бежал уже десять минут и не встретил никого. На остановке стоял одинокий троллейбус: двери открыты, фары горят тускло, как свечи. Внутри было пусто, а на полу салона уже собралась лужа, и первый лёд в ней встал тонкий, как слюда. Егор обошёл троллейбус по дуге, как обходят покойника, и побежал дальше.

Дождь со снегом шёл ровно, без ветра. Город стоял тёмный, и в темноте было слышно, как капает вода. Капала везде — с козырьков, с проводов, с деревьев. Егор поймал себя на том, что слушает капель, как чужое дыхание.

На перекрёстке у парка светилась вывеска магазина. Зелёные буквы «Мария-Ра» горели ровно, как будто ничего не случилось. Свет ложился на лужу у крыльца.

Под вывеской, в небольшой луже, лежал мужчина — лицом вниз, воды по щиколотку, из тех луж, что собираются у магазинов под козырьком. Куртка на нём была целая, шапка валялась в стороне. Егор присел и взял его за запястье: холодное, пульса нет. Переворачивать не стал — уже понял, что увидит.

Из-под губы у мужчины тянулась тина — зелёная, как в июне на Алее.

Егор выпрямился и повернулся к магазинному стеклу. Между рекламой сгущёнки и «скидок до 30 %» отражался

он сам — мокрый, в куртке, с чужим лицом. А за его спиной, в стекле, стояла вода. По самый пояс.

Он не стал оборачиваться. Хотя обернуться очень хотелось.

Дальше он бежал и смотрел в лужи — не в небо и не по сторонам, а в лужи. Так учила Марена, а Марена, судя по всему, знала, о чём говорила.

В лужах город был честнее.

Тот же проспект и тот же асфальт, но вода стояла везде, где могла: в арках, на ступенях, в окнах. Дома в отражениях были старше и темнее, и у них не было вывесок. Один раз в конце проспекта кто-то в отражении стоял: длинная тёмная фигура под фонарём, лицом сюда. В настоящем проспекте под этим фонарём не было никого.

Егор прибавил шаг и заставил себя думать как на смене: оценить обстановку, не геройствовать, свет под ноги, провода не трогать. Только на смене вода не умела ждать.

Через дворы было ближе к парку, где жила Даша, и он свернул в подворотню.

Понимаешь, что попал, когда уже попал.

Он услышал, как за спиной, в арке, что-то двинулось, и вода в лужах впереди пошла рябью — против ветра. И он увидел её.

Она шла. Не бежала — шла, и это было хуже: высокая, в мокром платье, с тёмными волосами, прилипшими к лицу и шее, босая. В лужах у неё не было отражения. Шла ровно,

как по коридору, и вода под ней не расходилась кругами — вместо кругов оставались следы, глубокие, как от человека, который идёт по дну.

Он знал, кто это. Бабушка называла таких мавками: они выходят из воды и уводят к себе. В детстве он считал это выдумкой. Теперь одна из них шла за ним по лужам.

Егор побежал не оглядываясь. Он слышал, как за спиной шлёпают по лужам его собственные ноги, и больше ничего — её шагов не было слышно вообще.

Он бежал дворами, между гаражами, через мокрый снег, а она шла. Куда бы он ни свернул, на следующем выходе из двора она появлялась из-за угла — спокойно, как из-за занавески. Платье на ней было тяжёлое, волосы закрывали лицо, но она и так знала, где он.

Он понял это на третьем дворе: она не догоняла. Она пасла его и гнала туда, куда шла вода, — как гонят скотину к водопою.

Как вода, которая всегда находит дорогу.

Егор развернулся и побежал не за водой, а против неё: к пятиэтажке у парка, где жила Даша, к её подъезду с козырьком и сухими ступенями. Он сразу понял: это единственное сухое место в мире.

Он успел: прыгнул на крыльцо, взялся за приоткрытую дверь подъезда и обернулся.

Она стояла у нижней ступени и не наступала — просто стояла и смотрела на него. И тут он разглядел, что глаза у

неё мокрые. Не заплаканные — просто мокрые, как камни на дне.

С платья, с рук и с волос капала вода; асфальт впитывал её жадно, как песок.

Егор шагнул назад и захлопнул дверь. Замок щёлкнул просто, по-будничному, как в обычной жизни.

Он постоял в темноте подъезда, слушая собственное сердце. За дверью было тихо, а потом из-под двери к его кроссовкам медленно поползли капли — одна, вторая, третья.

Он отступил, и капли остановились.

Третий этаж, квартира двенадцать, табличка с чужой фамилией. Он позвонил, потом подёргал ручку — открыто — и вошёл.

В квартире пахло домом — чаем, печеньем, стиральным порошком, — и это было сейчас страшнее всего. Тепло ещё держалось в вещах, но не в воздухе.

На диване спала Даша — четырнадцать лет, маленькая, закутанная в плед, как в кокон.

— Даша. — Он потряс её за плечо. — Даша, это Егор, Лизин брат. Даша!

Она не проснулась: дышала ровно и спокойно, как человек, которому снится хорошее. Он потряс сильнее, приподнял — голова мотнулась и вернулась на подушку. Веки были сомкнуты так плотно, будто их пришили.

Простыня под ней была мокрая.

Он поискал по квартире: Лизиного рюкзака не было, курт-

ки тоже. На кухне стояла Лизина кружка — жёлтая, с котиком; в ней недопитый чай. Во второй, Дашиной, чайники осели на дно.

На телефон Лизы никто не отвечал: короткие гудки, потом вода в трубке — тихо, как в колодце. Он послушал эту воду и убрал телефон.

Следы он нашёл у дивана: мокрые следы босых ног, маленькие, Лизины. Они шли от дивана к окну и у окна кончались. Окно было заклеено на зиму, рама сухая, а на стекле с внутренней стороны, на высоте поднятой руки, остался отпечаток ладони — маленький, тонкий, как дождевой узор.

Егор постоял над следами и заметил на полу у подоконника маленькую лужицу, натёкшую непонятно откуда. Сам не зная зачем, он заглянул в неё, как учили.

Двор в отражении был тот же, только мокрый до колена, и фонарь у парка — тот же, только там он горел.

Под фонарём стояла Лиза — босая, в его старой футболке, в которой спала, та была ей до колен. Волосы мокрые. Она смотрела вверх, в окно, прямо ему в глаза. А потом подняла руку. Не помахала — просто подняла, как поднимают руку, когда тебя позвали, а ты уже идёшь.

Он закричал и ударил ладонью в стекло. Стекло звякнуло, Даша не проснулась, а во дворе не было никого — ни Лизы, ни воды, ни отражения.

И только когда он отшатнулся от окна, в глубине стекла, в самом низу, ещё раз мелькнула маленькая фигурка, которая

шла от фонаря. Не к подъезду, а к дороге, ведущей в сторону реки.

Егор вылетел из квартиры. Разбудить Дашу он не мог. Унести — тоже. Оставалось одно: идти за сестрой.

Дверь подъезда он открывал медленно, заранее напрягшись, но ступени были пусты, капли не ползли. Мавки не было — и это пугало больше, чем мавка: как будто она ушла туда, куда сейчас уйдёт и он.

Он бежал по улице и проверял воду: в каждой луже, в каждой витрине, в каждой тёмной стекляшке на секунду мелькала она. Она не бежала. Она шла.

Спокойно. Как будто знала дорогу.

Над лужей у перекрёстка висел маленький аккуратный листок:

СВОД · уведомление № 3

Соколова Елизавета Андреевна, 14 лет.

Статус: приглашена.

Явка: добровольная. Сопровождение не предусмотрено.

Егор прочитал листок два раза.

— Приглашена, — сказал он вслух.

Слово было вежливое, как у робота «Алей-Сервиса».

Он не отрывал глаз от воды. Лиза уходила на восток, к реке, и вокруг неё вода стояла ровно — ни круга, ни ряби. За ней не оставалось следов.

Сбоку, на самом краю взгляда, вспыхнул и осыпался листок: «До отлива — 2 часа 51 минута».

Он побежал туда.

СВОД · УВЕДОМЛЕНИЕ ЧИТАТЕЛЮ

Глава 2 зачтена.

Передвижение по сухим поверхностям — верное решение.

Уведомление № 3 вручено: Соколова Елизавета Андреевна,

14 лет.

Статус: приглашена.

Сопровождение не предусмотрено.

Лайк — подпись свидетеля, комментарий — ходатайство.

Без подписей дело движется медленнее.

До отлива — 2 часа 51 минута.

Следующая глава — по расписанию.

Явка добровольная.

** * **

Глава 3. Утопцы

Проспект кончился у старых складов, и дальше пошёл спуск к Алею. Егор знал этот спуск наизусть: отсюда всегда были видны мост и лодочная станция, а река летом стояла мелкая и тёплая, по колено. Сейчас из темноты поднималась не река.

Вода стояла по самый берег, чёрная и гладкая. Она не двигалась: ни волны, ни ряби, ни струи у переката. Дождь падал ей на спину и пропадал, не оставляя кругов, как будто у воды была своя, отдельная погода.

Егор остановился и заглянул в воду, как учили. Отражение дёрнулось и настроилось, и река в отражении оказалась другой: полной до самых краёв, широкой и тяжёлой. А далеко внизу по течению, над водой, стояли стены. Не рубцовские — тёмные, кривые, с башнями, каких в городе никогда не строили. Оттуда тянуло холодом. Город, который живёт в отражениях, переставал быть выдумкой: он стоял там, внизу, и ждал.

Одна из башен качнулась, медленно, как голова, и Егор отвёл взгляд.

На песке у причала были следы. Маленькие, босые. Он присел и коснулся пальцем: песок мокрый, но след держался чётко, как оттиск в глине. Следы шли вдоль берега, туда, где за старыми ивами начиналась старица.

Последний след был не у воды. Последний след был на воде — отпечаток маленькой ступни, вдавленный в чёрную гладь, как в мокрый снег.

Егор выпрямился и пошёл дальше. Держаться сухого, про-
верить отражения, не трогать воду лишний раз — он повто-
рял это про себя, как правила техники безопасности, и от
этого становилось чуть легче.

За лодочной станцией кто-то кряхтел и ругался. Голос был
старческий. Егор прибавил шаг и успел заметить: дед Гена,
здешний сторож, тянул из воды лодку. Верёвка была натяну-
та, как струна, а лодка не шла.

— Ты чего встала, зараза? — хрипел сторож. — Потонула
бы давно, всё легче...

Сторож не замечал того, что открылось Егору. В луже у
его ног, чёрной и гладкой, отражалась лодка — и под лодкой,
вцепившись в борта, висели двое. Бледные, размытые, они
держали её снизу, и от этого движения верёвки получались
неправильными: то натянутся, то отпустят, как будто лодка
дышит.

— Гена! — крикнул Егор. — Брось верёвку!

Старик обернулся, и в этот момент вода выпустила лодку.
Верёвка лопнула от рывка, сторож упал на спину, а лодка
пошла на него, лениво, боком. Но страшнее лодки были те,
кто поднимался из воды за ней.

Первый утопек вышел на берег без всплеска. Он был ху-
дой и выбеленный, как рыба, одежда висела мокрыми лохмо-

тнями, а двигался он не спеша, будто давно никуда не опаздывал. У него было лицо. Просто глаза не имели цвета, а рот был полон воды.

Второй уже взял сторожа за ногу и тянул к воде. Гена не кричал — он скрёб пальцами песок и держался за Егора взглядом, как держатся за последнего человека в мире.

Егор не помнил, как оказался рядом. Помнил, что схватил Гену за руки, упёрся, потянул, и что утопцы на это даже не обернулись: они тянули молча, размеренно, как тянут сеть. Первый утопец снял сторожа с песчаной отмели на мокрый настил, и вот тогда Егор понял.

Всплеск. Вот что им нужно.

Он оглянулся, подхватил с земли обломок бетона и швырнул его в воду подальше от берега. Камень ушёл с шумным веером брызг — и оба утопца развернулись на звук сразу, вместе, как одно существо. Пока они шли в воду, Егор втащил Гену на бетон, подальше от настила.

Первый утопец вернулся. Он не поднялся на плиты — остановился у самой кромки, и его мокрое лицо качалось из стороны в сторону, слепое и внимательное. Егор не шевелился. Вода с утопца текла ручьями, ручьи дотягивались до плит и останавливались, как будто на границе невидимой линии.

Гена захрипел. Егор прижал ладонь к его рту, понимая, что делает больно, и не убирал руку, пока утопец не повернулся и не ушёл обратно, в чёрную воду.

Только потом он разжал пальцы. Сторож дышал часто,

мелко; штанина у него потемнела от крови. Рана была не смертельная и даже не глубокая, но здесь, на берегу, это не имело значения. Куда важнее было другое: сторож оставался живым, хотя замечал то, чего обычному человеку замечать не положено.

— Слышь, — просипел сторож. — Слышь. Дуню уволокли. Собаку. Она в воду полезла, за... — он махнул рукой в сторону воды, — а они её.

Егор оглядел берег: темнота, вода, станция с выбитым окном. В сторожке горела керосинка, и это был, пожалуй, единственный настоящий свет на весь Алей.

Он помог Гене доковылять до сторожки и усадил его на лавку. Ногу перетянул ремнём от старой портупей, которая висела тут же на стене. Багор сторож отдал сам — молча махнул рукой в угол, где тот стоял. Егор оставил ему свой нож: короткий, но железный.

— Сиди здесь, — сказал он. — Дверь закрой. К воде не подходи. Если кто постучит — не открывай.

— А ты? — спросил Гена.

— А я за сестрой.

Старик не спросил ничего больше. Он только помолчал, глядя на него долго, как глядят с берега, и кивнул.

Из ящика в сторожке Егор взял налобный фонарик, проверил батарейки и вышел в мокрую темноту. За спиной щёлкнул засов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.